Аграрная политика и экономика России: взгляд сквозь призму мировых процессов глобализации

И.Н. Буздалов, акад. РАСХН, гл. науч. сотр.

Всероссийского института аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова

Многовековая история человеческого общества свидетельствует о том, что Россия почти перманентно не «вписывается» в общие закономерности эволюционного по своей природе глобального или «планетарного» мирохозяйственного процесса развития. То, по навеянному петровскими преобразованиями выражению Н.В.Гоголя она уподобляется «безответно несущейся» куда-то *птице-тройке* или через реформы 60-х гг. XIX в. и начала XX в. пытается решительно повернуть на путь общечеловеческой цивилизации, то начинает проводить противоестественные, якобы «исторические», преобразования типа большевистских «социалистических», насаждения нового, государственного крепостного права, многими бедами обрушившегося на и без того многострадальное российское крестьянство.

Обобщая эти подъёмы и падения Е.И. За-мятин писал: «Россия движется вперед странным, трудным путем, не похожим на движения других стран. Чуть забравшись вверх, она вдруг проваливается вниз…, она движется разрушая» [1]. В этом своем движении страна «устремлена либо в своё прошлое, либо в будущее, умаляя *первостепенность,* более того, *самоценность настоящего…* Ныне Россия определяет свой национально-государственный маршрут, маневрируя среди глобальных айсбергов», смотря больше «в XX в. (ключевое слово – «геополитика)» [2].

Исчерпывающую характеристику спонтанных или заранее задуманных странных маршрутов движения по ухабам и трясинам (вместо того, чтобы идти по прямому пути реализации общечеловеческих ценностей, объективных законов развития природы и общества), в своеобразной сатирической (но зеркально отражающей действительность) форме дал «великий диагност» российских недугов и бед М.Е. Салтыков-Щедрин. Он называл эти кульбиты как «неудобные черты» организации российской общественной жизни, суть которых: «благодушие, доведенное до рыхлости, ширина размаха, выражающегося, с одной стороны, в мордобитии, с другой – стрельбой из пушек по воробьям, легкомыслие, доведенное до способности не краснея лгать самым бессовестным образом. В практическом применении эти черты дают результаты весьма дурные, а именно: необеспеченность жизни, произвол, непредусмотрительность, недостаток веры в будущее» [3].

Считается, что первоисточником и непосредственным двигателем процессов глобализации является культура, просвещение. Но если таковые признаки отсутствуют или «просвещение слишком рано приходит к народам младенческим и в гражданском смысле незрелым», – продолжает писатель, – то практическая – деятельность, присущая этим неудобным чертам неизбежно приобретает некую «замысловатость» и сводится к тому, чтобы «сегодня одно здание на «песце» строить, а завтра, когда оно рухнет, зачинать новое здание на том же песце возводить» [3]. Это, – с иронией обобщает автор «выступает как своего рода непреложный закон политической экономики во всех случаях, когда не науки, знания и просвещение, не трудолюбие, а невежество, тунеядство возводятся в принципы общественного развития» [3].

И эта замысловатость, как мы видим далеко не история. Бесспорно, процессы глобализации, включая сферы культуры, просвещения, государственного управления и т.д. сейчас в какой-то мере приближают Россию к следованию по пути современной мировой цивилизации, реализации общечеловеческих ценностей, объективных принципов экономической деятельности, обеспечения социальной справедливости, гражданских свобод и соблюдения прав человека. Но дистанция еще весьма значительна и в ряде направлений и сфер общественной жизни нередко возрастает.

Давно ли осуждалась советская гигантомания в сельском хозяйстве, а сейчас она принимает запредельные размеры и параметры, в частности, в форме сверхкрупных агрохолдингов, этих современных латифундий. На практических последствиях все убедились в пагубности пресловутой «перекачки», (фискальных изъятий из сельского хозяйства, созданного крестьянским трудом национального дохода в пользу государства и субъектов монопольного окружения отрасли) причем не только для самого сельского хозяйства, но и для общества в целом. Однако крестьянство все еще продолжает оставаться под прессом этого перманентного бедствия, порождающего перекосы и диспропорции во всей экономике. И в целом современные процессы глобализации, её интегрирующие и унифицирующие функции пока мало влияют на изменения российской аграрной политики и экономики в сторону приближения их к общим принципам построения, к единым мировым стандартам и правилам деятельности всемирных и международных организаций, в частности, ВТО, для вступления в которую по этим причинам страна 17 лет выступает в роли сомнительного просителя.

Возникает вопрос, а не являются ли для России эти крайние проявления, эта «замысловатость» какой-то фатальной неизбежностью или, наоборот, следствием по словам В.И.Ленина «паршивой российской обломовщины», предлагавшего поэтому как это было в петровскую эпоху «взять в учителя немцев»? [4]. Ответ на этот вопрос очевиден, если отказаться от надуманной поклонниками «старины», славянофилами и прочими, по выражению С.Ю.Витте «старьёвщиками» легенды о якобы неподлежащей трансформации в русло общечеловеческих ценностей какой-то чуть ли данной богом окостенелой российской исключительности.

Считалось и продолжает считаться, что у России якобы «особый путь» развития или, по известному поэтическому выражению у нее «особенная стать», в которую нужно только слепо «верить», отбросив или отодвинув на задний план основополагающие законы развития природы и общества, объективные закономерности экономического развития, общие фундаментальные ценности и принципы человеческой жизнедеятельности.

Бесспорно, у России, как и всякой другой страны или группы стран есть какая-то региональная специфика, особенности менталитета людей. Но под прикрытием вообще *особого* пути (по пословице: «сами с усами») «удобно» оправдывать любые эксперименты над целой нацией, ее социальными группами, среди которых наиболее «привлекательным» для таких экспериментов веками оказывалось крестьянство. А когда обнаруживается провал и разрушительные последствия этих экспериментов и «новаторских» начинаний, то находятся объяснения, что во всем виноват а не сама концепция особого пути, а ошибки и «перегибы» властных инициаторов их проведения. Еще более удобно вообще все сводить к умозаключениям об «исторической» необходимости волюнтаристских начинаний вроде советской насильственной коллективизации. Гигантомания, «крутые» революционные повороты и перевороты, «великие переломы», «прорывные» замыслы и амбициозные проекты, стремление любой ценой быть первыми, грубый произвол или наоборот «власть» стихии и т.д. – все это из арсенала легенды об «особом российском пути».

Надуманность этой легенды, стоившей России многих людских бед и материальных потерь очевидны и к ее приверженцам по сути было обращение Д.Медведева на юбилейной конференции, посвященной 150-летию Крестьянской реформы, как раз направленной на путь реализации общих законов и принципов цивилизованного устройства жизни общества, развития экономики. К сожалению, по инерции, идеи, породившие указанную легенду, продолжают жить и овладевать если не массами, то умами людей, принимающих государственные экономические решения. Это, в частности, видно из заложенного в нынешней официальной экономической политике запредельного дисбаланса между господдержкой сельского хозяйства и масштабами пресловутой перекачки, представляющего собой грубое нарушение объективных законов воспроизводственного процесса в экономике, ставящего российское крестьянство на грань выживания.

Идея перекачки, как отражение социальной несправедливости и экономического произвола, зародилась в абстрактных умозаключениях физиократов и получила свое законченное «научное» обоснование в марксистских построениях. Ее практическая реализация во всем объеме воплотилась в так называемых «социалистических» преобразованиях сельского хозяйства, «чрезвычайщине», в мерах по взиманию «дани» с крестьянства, его «военно-феодальной» эксплуатации. В своем общем концептуальном построении перекачка исходила из определения крестьянства как второсортного, низшего, «податного» сословия, или по умозаключению Ф.Энгельса сообщества «варваров», этого по его словам самого «жалкого» класса когда-либо оставившего свой след в истории человечества [5]. Построенная на такой антикрестьянской политике идея перекачки, донорской роли сельского хозяйства не нашла спроса в странах, приверженных общечеловеческим ценностям, но «прижилась» в России на «благодатной» почве её особого пути. Она составляла суть так называемого «закона первоначального социалистического накопления» и вытекающего из него произвольного набора принудительных и прочих внеэкономических мер по беспрецедентному по своим масштабам ограблению российского крестьянства. Разрушительные последствия такого угрюмбурчеевского следования по «особому российскому пути», причем не только для сельского хозяйства, не заставили себя ждать.

Люди, не утруждающие себя серьезным, системным анализом вслед за идеологами советского прошлого могут и продолжают импровизировать по поводу успехов сталинской индустриализации, достигнутой за счет этого ограбления. Но при этом поверхностные импровизаторы не хотят (или неспособны) понять, что вызванный перекачкой дисбаланс в общем социально-экономическом развитии страны по справедливой, основанной на системных исследованиях происходивших процессов, оценке акад. Ю.С.Пивоварова нанес «страшный удар по человеку и привел страну к антропологической катастрофе. А тот тип индустриализации, который навязал стране Сталин, оказался тупиковым. По подсчетам ученых, если бы развитие России продолжалось так, как оно шло с конца XIX века и до 1917 г., то к 1940 г. она приблизилась бы к США» [6].

О неизбежности общих провальных последствий «перекачки» для всего экономического, в том числе промышленного развития страны предупреждал инициаторов дилетантских «исторических» решений Н.И.Бухарин. «Наивно полагать, – доказывал он, опираясь на объективные закономерности и взаимосвязи в экономике, – будто максимум годовой перекачки из сельского хозяйства в промышленность обеспечит максимальный рост индустрии. Наоборот, длительно наивысший темп получается при таком сочетании, когда промышленность поднимается на *активно растущем сельском хозяйстве* (курсив мой – И.Б.). В этом случае индустриализация вместо

«паразитарного» процесса по отношению к деревне становится средством величайшего преобразования и подъема» [7].

Вопреки этому большевистская власть продолжала не только наивно думать, но вопреки всякой логике вероломно действовать с «одобрения» приближенных к этой власти экономистов, в частности академика С.Г. Струмилина. Последний утверждал: «Наша задача не в том, чтобы изучать экономику, а в том, чтобы изменять ее. Нас не связывают никакие законы… Вопрос о темпах должны решать люди» (имелись ввиду большевистские деятели во главе со Сталиным). Как известно, волевые решения этих людей стоили России неисчислимых потерь и человеческих (особенно крестьянских) страданий и жертв.

Если бы обеспечивалось соблюдение элементарных требований объективных экономических законов, прежде всего, поддерживались «оптимальные соотношения развития промышленности и сельского хозяйства в России в 1928–1940 гг., то крестьянство не было бы доведено до нищеты, а страна как минимум могла бы удвоить промышленную, в том числе военную мощь» [8].

И подлинная экономическая теория, и прогрессивный исторический опыт динамичного, действительно планомерного, пропорционального развития передовых в общественном устройстве стран неизменно подтверждает особую роль в этом развитии, в его темпах обеспечение структурной и общей воспроизводственной сбалансированности в народном хозяйстве и, прежде всего, в соотношении его базовых отраслей: сельского хозяйства и промышленности. Причем такая сбалансированность предполагает активную государственную поддержку сельского развития как приоритета первостепенной важности. Эта приоритетность объективно обусловлена фундаментальной исторической ролью отрасли в развитии и жизни общества, а крестьянского сословия, как «корневой системы» нации, как «сеятеля и хранителя государства». Отсюда, по определению Д.И.Менделеева, государственная защита земли и земледельца «равносильна» защите самого государства.

Общеэкономическое, народнохозяйственное значение принципа приоритетности сельского развития подтверждено длительным историческим опытом как малых (Швейцария, Дания, Голландия, Израиль и т.д.), средних (Норвегия, Швеция, Финляндия, Южная Корея и т.д.), так и крупных стран (Германия, Франция, США) и т.д. Они, поэтому, органически «вписались» в глобальные мирохозяйственные процессы, став движущей силой этого развития вообще и мировой агропродовольственной системы в частности.

Поучительным примером здесь может служить, не имеющая ни газа, ни нефти, ни многих других даровых природных богатств, Швейцария, достигшая своего процветания как страна «крестьян и коров». Именно исходя из предпосылки, что, поскольку, сельское хозяйство есть первичная базовая отрасль экономики, в Конституции страны ему уделен особый параграф, обязывающий государство оказывать крестьянству постоянную активную протекционистскую поддержку. На основе такой конституционно закрепленной аграрной политики выросли современные институты государства, создана одна из стабильных и устойчивых экономика страны с высокоразвитой промышленностью, особенно машиностроительной, текстильной, химической, фармацевтической, пищевой, надежной финансово-банковской системой. Поэтому, имея сейчас в расчете на душу населения сельскохозяйственных земель далеко не лучшего качества почти в 5 раз меньше, чем в России всего 4% швейцарских крестьян-собственников, занятых в аграрном производстве в целом обеспечивают продовольственную безопасность страны, экспортируя значительную часть производимой высококачественной животноводческой продукции.

«Пусть другие страны похваляются своими богатствами, – писал известный историк и экономист, почетный член петербургской Академии Наук, Ж.Ш. Сисмонди, – Швейцария всегда может с гордостью показать на своих крестьян с печатью здоровья и силы на их лицах» [9]. Могут показать на своих, с той же печатью здоровья и силы, крестьян как созидательную силу общего прогресса в государстве и многие другие, в том числе крупные страны, в частности, Германия, традиционно обеспечивающая достойные условия жизнедеятельности крестьянства. Поэтому при малоземелье и низком естественном плодородии почв социально благоустроенное и потому динамично развивающееся сельское хозяйство сейчас производит около 90% необходимого стране продовольствия, а трудоемкая продукция животноводства даже экспортируется. Социальное благополучие крестьянства, в конечном счете, в решающей степени определяет общее благополучие и мощь государства, которую Германия убедительно демонстрирует до сих пор, являясь одним из локомотивов процессов глобализации.

Таким образом, *определяющим условием структурной народнохозяйственной сбалансированности и общего социально-экономического прогресса является обеспечение приоритета сельского развития, а ее главным критерием – сопоставимость, «уравновешенность» социального благополучия сельского и других групп населения, условий их труда, уровня и качества жизни.* Более того, с точки зрения незаменимых жизненно важных функций сельского хозяйства оправданным и социально справедливым является определенное превышение соответствующих сельских показателей над городскими. Так, среднедушевые доходы членов сельских семей в США почти на 10% выше, чем в городе, что является важнейшим фактором закрепления и инициативной трудовой деятельности занятых в сельскохозяйственном производстве. То же самое наблюдается и во многих других странах.

Достигается это благополучие через систему и механизм государственного регулирования, оптимизацию воспроизводственных пропорций развития сельского хозяйства, прежде всего через бюджетную поддержку аграрных цен, систему льготного налогообложения, субсидии и т.д. Тем самым устраняется дисбаланс между размерами необходимых для эффективного ведения производства доходов сельхозпроизводителей и размерами перекачки, как «отражением социально-экономической ущербности аграрной политики» [8].

Перекачка имеет место в других странах, как следствие несовершенной или недобросовестной конкуренции, диспаритета цен, прямых монополистических проявлений со стороны партнеров сельского хозяйства по АПК и т.д. Однако размеры бюджетных «компенсаций» перекачки достигают в этих странах 30–40% валовой продукции и более (в Норвегии свыше 60% или 30 тыс. долл. на сельского жителя). В России эти показатели составляют, соответственно, 5% и около 100 долл. Отсюда огромное отставание страны в аграрном производстве, сельская бедность, демографическая деградация, переходящая все границы алкоголизации села и т.д.

Хотя по сравнению со сталинским периодом механизмы перекачки изменились, а ее масштабы сократились, сельское хозяйство продолжает находиться под бременем этого, без преувеличения, настоящего социально-экономического бедствия для крестьянства. Существующая господдержка, в основном в форме аграрного бюджета, лишь в малой степени ослабляет это тяжелое бремя. Расчеты показывают, что соотношение между суммой перекачки, определенной по товарной продукции сельского хозяйства и его бюджетной поддержкой составляет 9:1 (в денежном выражении примерно 1,3 трлн и 140 млрд руб.) [8].

Доля аграрного бюджета составляет 1,2%, тогда как даже в годы НЭПа она достигала 7,7%, а до нынешних реформ на господдержку села выделялось свыше 15% общего бюджета страны. Причем и эти мизерные бюджетные назначения для села на 3/4 не доходят непосредственно до производителя, и затем почти целиком забираются государством через налоги на СХО и физических лиц деревни. На порядок большие суммы из вновь созданной крестьянским трудом стоимости, как показывает структура розничных цен на продовольствие идут в карман заготовителей, переработчиков, перекупщиков, торговцев, топливных монополистов и т.д.

Всем этим объясняются все нынешние беды и недуги российского села и крестьянства. Основные из них: 1) провал в уровне сельскохозяйственного производства страны, его низкая экономическая эффективность и конкурентоспособность; 2) деградация производственного, особенно трудового потенциала села, низкая трудовая активность занятых в сельскохозяйственном производстве, отток из отрасли трудоспособного населения, молодежи; 3) запредельный за всю российскую историю импорт продовольствия, являющийся своего рода поддержкой зарубежных фермеров. В совокупности эти беды и недуги создают угрозу не только продовольственной, но и национальной безопасности страны в целом.

Сейчас Россия на финише 17-летнего пути вступления в ВТО, а там настаивают на дальнейшем сокращении господдержки сельского хозяйства. Если бы власти вовремя и всерьез занялись действительным возрождением и модернизацией сельского хозяйства и для этого сократили масштабы перекачки хотя бы наполовину, увеличив за счет этого аграрный бюджет до 600 млрд руб. [12] (а для этого в стране, получавшей в последний период «баснословную» прибыль в форме нефтедолларов имелись необходимые финансово-экономические условия), то сельское хозяйство по меньшей мере можно было бы вывести из состояния нынешнего его острейшего кризиса. Сейчас отрасль при сопоставимой оценке оплаты труда селян фактически убыточна, обременена колоссальной кредиторской задолженностью в сумме около 1,5 трлн руб., (что в 1,6 раза больше объема стоимости валовой продукции сельского хозяйства в закупочных ценах) и по сути в целом находится на грани банкротства.

Тогда можно было бы идти на принятие правил ВТО, сокращать господдержку. А теперь есть два пути: или не считаясь с этими правилами (как это делают многие члены этой организации, осуществляя господдержку отрасли в расчете на гектар пашни в 10 и более раз большую, чем в России) активно возрождать свое сельское хозяйство, устраняя тем самым вопиющий воспроизводственный дисбаланс в экономике, или, вступив в ВТО, следовать этим правилам, обрекая огромные сельские территории на дальнейшую деградацию. Выход, очевидно, в первом направлении.

Однако, судя по всему, власти предпочитают второй путь, считая признаком прогресса в агропродовольственном секторе страны начавшийся в последние годы экспорт российского зерна, объемы которого наши представители на Петербургском зерновом конгрессе в июне 2009 г. слишком самоуверенно обещали довести до 50 млн т. Но при этом они умалчивают, что сокращение стада крупного рогатого скота и свиней за годы реформ более чем в 2 раза искусственно создает «излишки» для экспорта зерна (в 2008 г. 13,6 млн т) и заставляет в огромных количествах импортировать замороженное и часто залежалое мясо, другие продукты животноводства. Ничего также не говорится о том, что от сельскохозяйственного экспорта достается сельским товаропроизводителям, а что перекупщикам и прочим любителям наживы.

Из советской истории 30-х гг. известно, что массированный экспорт зерна происходил за счет официально «узаконенного» ограбления деревни, приводил не только к подрыву кормовой базы животноводства, но и к недоеданию и голоду самого сельского населения. Ущемление интересов села повторяется и теперь, а из экспортной

прибыли непосредственно производители получают в лучшем случае гроши. Львиная доля достается посредникам, кому угодно, только не им. Но главное, из баланса экспорта и импорта продовольствия (2008 г. соответственно 5 и 35 млрд долл.) никак не следует желаемого продвижения России в разряд мировых продовольственных держав. Признаком такого продвижения может стать экспорт и животноводческой продукции, как это страна, не увлекаясь иллюзией «особого» российского пути демонстрировала более 100 лет назад.

Пока продовольственное положение России, если исходить из его системной оценки, характеризуется острейшим кризисом. Об этом свидетельствует подрывающий престиж страны в глазах мирового сообщества и на арене мирового агропродовольственного рынка удручающий факт: импорт продовольствия по рублевому курсу превышает объем всей товарной продукции сельского хозяйства в закупочных ценах (в том же 2008 г. соответственно 1,05 трлн и 888 млрд руб., а 2010 г. по импорту вообще побил все «рекорды»). Понятно, какой трагедией для народа может оказаться перекрытие по тем или иным причинам импортных каналов поставок продуктов питания, чего нельзя исключать, учитывая происходящие угрожающие тенденции обострения мировой продовольственной проблемы.

Конечно, махнув рукой на собственное сельское хозяйство, как «черную дыру», беспрецедентное падение отечественного сельскохозяйственного производства, сопоставимое с результатами насильственной коллективизации, пока можно восполнять такими же беспрецедентными за всю российскую историю закупками за рубежом. Но продовольственный импорт, запредельные объемы которого в сравнении с 1991 г. возросли почти в 5 раз, а за 2005–2007 гг., приходящиеся на реализацию «приоритетного» национального проекта «Развитие АПК» в 2 раза, превысив объем реализации всей продукции сельского хозяйства в закупочных ценах, является одним из существенных изъянов проводимой агропродовольственной политики. С одной стороны масштабный продовольственный импорт (вместе с экспортом 4/5 производимых в стране минеральных удобрений) служит прямой поддержкой бразильских, израильских, американских и других зарубежных фермеров, а с другой душит отечественного производителя. Социально-экономическое положение российского крестьянства в этих условиях таково, что по некоторым оценкам «пора бить в набат» [12].

Но если, не считаясь с возрастанием угрозы продовольственной безопасности в рамках проводимой агропродовольственной политики, компенсацию провала в отечественном производстве продукции сельского хозяйства можно перекладывать на зарубежных фермеров, предоставляя для них обширный рынок сбыта этой продукции, то исправлять удручающее положение в социальной сфере села придется самим, иначе сельское хозяйство (за исключением новых «маяков»- около 3% всех СХО) будет продолжать этот свой бесперспективный «особый путь». На фермерском форуме в Тамбове (март 2011 г.) В. Путин говорил об ответственности за неиспользуемые сельскохозяйственные земли (за годы нынешних реформ заброшено почти 40 млн га посевных площадей, т.е. на 6 млн га больше, чем вся площадь сельхозземель во Франции – экспортере продовольствия в том числе продукции животноводства). В Доктрине продовольственной безопасности РФ освоение заброшенных земель декларируется, как важнейший источник наполнения продовольственного рынка отечественной продукцией.

Но одни декларации и наставления проблемы не решат. Нужны, как это было с освоением целины огромные ресурсы, так как речь идет о той же целине, (да еще зарастающей кустарником), на которой уже нет признаков жизни (если не считать диких животных). На обширной сельскохозяйственной территории северо-запада, северо-востока, Урала, Поволжья, Сибири, даже Центра России, где о существовании прежних благополучных сел и деревень скорбно напоминают заросшие бурьяном и чертополохом их жалкие останки уже вообще почти некому работать, а тем более вовлекать в оборот неиспользуемые миллионы гектаров земли, поскольку социально-трудовая сфера (не говоря уже о производственной) здесь разрушена. И все это происходит в условиях, когда властями провозглашен приоритет сельского развития, разработаны и реализуются соответствующие проекты и программы и когда для его обеспечения можно изыскать необходимые ресурсы, если в стране, наконец, будут правильно расставлены приоритеты. К сожалению, такой расстановки не наблюдается: расходы на Олимпиаду–2014 и ЧМ по футболу – 2018, которые при нынешнем экономическом положении страны вообще нельзя отнести к приоритетам, оценивается суммой, в 6–7 раз превышающей годовой аграрный бюджет государства.

Стратегия, направления и макроэкономические условия обеспечения этого приоритета, ориентированные на включение российского агропродовольственного сектора в общие мирохозяйственные процессы изложены в ряде моих публикаций [11]. Однако в проводимой аграрной политике по этому ее основополагающему в сложившихся условиях направлению продолжают преобладать полумеры или общие замыслы и пожелания, противоречивые декларации. В известной статье Президента РФ Д.Медведева «Россия, вперед!» говорится, что село, его социальная сфера является и «всегда будет оставаться нашим приоритетом», иначе говоря, предпочтением, первейшей обязанностью государства. Наоборот, Министр финансов А.Кудрин, видимо, исходя из того же «особого российского пути» и в принципе придерживаясь догмы о сельском хозяйстве, как «черной дыре» при подготовке и обсуждении бюджета страны на 2010 г. сказал, что социальные проблемы села для нас вообще «менее важные». В полном соответствии с этим мнением и без того эта символическая составляющая в целом мизерного по своим параметрам аграрного бюджета была основательно сокращена.

Тем самым ставится барьер на пути модернизации сельского хозяйства, как определяющей предпосылки, как своего рода «мандата» для признания России настоящим деятельным участником глобальных мирохозяйственных

процессов, в том числе на мировом агропродовольственном рынке. Вместе с тем дамокловым мечом над страной будет продолжать висеть серьезная угроза продовольственной и поэтому общей национальной безопасности. Полагаться на то, что ситуацию автоматически изменит принятая в 2010 г. Доктрина продовольственной безопасности, в которой, к сожалению, необходимые приоритетные «материализованные» в реальных ресурсах государственные меры совершенно не просматривается, а преобладают замыслы, те же декларации, «официальные взгляды» и общие места – значит тешить себя иллюзиями и не представлять реальности этой угрозы для будущего государства. А это значит, что российское сельское хозяйство и впредь будет оставаться если не на задворках, то в хвосте глобальных мирохозяйственных процессов социально-экономического развития, независимо от того, вступит или не вступит она в ВТО.

Например, Киргизия и Грузия уже члены ВТО, но, судя по положению дел в социальной сфере и сельском хозяйстве этих стран в целом говорить о том, что они, как многие другие малые страны, «вписались» в эти процессы, в мировую агропродовольственную систему в качестве её активных и цивилизованных участников пока не приходится. На роль такого участника не может рассчитывать и Россия, если государство, власти, используя перераспределительные механизмы, мировой опыт в этой области, радикально не скорректируют проводимую ныне аграрную политику в указанном выше направлении обеспечения действительно приоритета сельского развития, активной протекционистской поддержки и резкого сокращения запредельных масштабов разорительной для села перекачки.

Пока Россия может выступать в качестве более активного, чем на арене всемирных процессов глобализации, участника региональных объединений и Союзов типа ЕврАз ЭС, Таможенного Союза, включающих страны с близкими характеристиками процессов их социально-экономического развития, удобством территориального расположения, транспортных связей и т.д. Еще рано говорить об эффективности функционирования этих союзов, в том числе по причине сильной инерции приоритета «суверенных» национальных текущих интересов над перспективными общими выгодами интеграции, формирования единого экономического пространства, унификации законодательства, формирования наднациональных органов управления, общих бюджетов и т.д. Это видно на противоречиях и даже противостояниях в рамках уже созданного Союзного государства России и Белоруссии, которое обходится России с её геополитическими устремлениями суммой до 3 млрд долл. в год и позволяет выделять на развитие села 12% бюджета страны (против российской подачки в 1,2%). Отсюда, в отличие от России, Белоруссия сохранила свое сельское хозяйство и сельские территории, импортируя нам высококачественные молочные и другие продукты.

Конечно, пословицу «своя рубашка – ближе к телу» пока никто не отменял, но если не поддаваться соблазну получения «братских» преференций за счет России межстрановые региональные союзы и объединения типа Таможенного союза, ЕврАз ЭС, (эти, своего рода «мини ВТО») и в целом идти по пути полноценного включения в глобальные процессы интеграции и унификации, то они дадут партнерам определенные взаимные национальные и общие выгоды. Однако для такого включения и получения наибольших выгод необходимо создавать соответствующие, отвечающие фундаментальным принципам человеческой цивилизации, морально-нравственные (в смысле подлинной демократичности общественно-политического устройства, гражданских свобод и т.д.))и *предопределяемые ими* экономические (устойчивость, эффективность, конкурентоспособность и т.д.) предпосылки. А это позволит без оглядки («как бы чего не вышло») создавать наднациональные органы управления и правового регулирования, иметь общий бюджет, единую валюту, свободу передвижения и т.д.), что демонстрирует ЕЭС, этот коллективный локомотив современного глобального мирохозяйственного процесса.

К сожалению, как видно из нынешнего состояния аграрной экономики власти России, имеющей реальные возможности создания таких предпосылок, их не используют, через механизмы перекачки искусственно придавая первичной базовой отрасли экономики статус «черной дыры», неспособной обеспечить продовольственную безопасность страны. А это прямое отражение инерции и далее, спотыкаясь следовать по пресловутому «особому» пути, грозящей адекватными последствиями для общего социально-экономического развития страны призрачностью перспектив её деятельного участия в современных мировых процессах эволюционного движения по веками проведенной широкой столбовой дороге человеческой цивилизации. Не пора ли и нам, наконец, сворачивать с «замысловатого» ухабистого «особого» объездного пути и выходить на эту прямую прочную дорогу, начиная с наиболее насущного и неотложного – возрождения села и исконных сельских территорий с их уникальным многофункциональным потенциалом. А то и в набат бить будет поздно. Ведь одними олимпиадами, футбольными матчами, даже лунными, марсианскими и прочими «престижными» проектами сыт не будешь.

Источники

1. *Замятин Е.И.* Избранное. – М., 1989. – С. 622.

2. Россия и современный мир. – 2005. – № 47. – С. 6.

3. *Салтыков-Щедрин М.Е.* История одного города. – М., 1972. – С. 111.

4. Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 4. – С. 190.

5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 8. – С.208; т. 38. – С. 420.

6. *Профиль.* – 2008. – № 32. – С. 21.

7. *Бухарин Н.И.* Избранные произведения. –М.: Политиздат, 1988. – С. 410.

8. *Миль Дж.С.* Основы политической экономии и некоторые аспекты их приложения к социальной философии. Гл. 4 «О крестьянах-собственниках». – Т. 1. – С. 414.

9. Вопросы экономики, 2009. – № 10. – С. 123.

10. *Буздалов И.Н.* Сельское хозяйство как приоритетное направление Господдержки. – К: Экономика управление, 2009. – № 4.

11. *Буздалов И.Н.* Условия и направления социально-экономической модернизации сельского хозяйства России/ АПК: Экономика, управление, 2010. – № 5.

12. *Буздалов И.Н.* Социальные последствия монопольного окружения и классовой «неполноценности» крестьянства/ Международный с.-х. журнал, 2011. – № 1.

13. *Буздалов И.Н.* Униженный класс: о социальном статусе и экономическом положении российского крестьянства/ Вопросы экономики, 2011. – № 4.

14. *Пошкус Б.И.* Факторы укрепления экономики сельского хозяйства. – Екатеринбург, 2010. – С.158–160.

15. *Милосердов В.В.* Многострадальная судьба российского крестьянства. – М.: Колос, 2010. – С. 78.

Назад в раздел

Поделиться...

© «Битрикс», 2001-2006